

Марк КАСВИНОВ

Двадцать три ступени вниз. Старец¹

В 1902 году впервые занесло в столицу юродствующего во Христе странника Григория*. С рекомендательной запиской от викария Казанской епархии Хрисанфа явился он к ректору Духовной академии Сергию, смиренно моля обратить на себя внимание, помочь небольшим денежным пособием. В этот момент сидели в кабинете Сергия его друзья — Шванебах и Нейгардт, а также инспектор академии и негласный духовник царской четы Феофан. Что-то показалось им в страннике необычным: движения, речь, взгляд. Вскоре Феофан знакомит с богомольным мужиком Анастасию Черногорскую, жену Николая Николаевича**. Затем великокняжеская пара у себя дома представляет его императрице Александре Федоровне. Как замороженная сидит ее величество под пронизывающим взором Распутина, слушает его вкрадчивую, пересыпанную мистическими вывертами мужичью речь. Затем следует представление его Николаю II, первое

¹ Печатается с сокращениями по: URL: <http://www.lib.ru/HIST/KASWINOW/dwadcattri.txt>.

* В слободе Покровской, близ Тюмени, откуда Распутин был родом, его еще в молодости считали нечистым на руку. Однажды ночью он был схвачен с поличным при попытке увести лошадей своего односельчанина Картавцева, при этом избит до потери сознания. В 1917 г. 67-летний Картавцев вызывался в Петроград Временным правительством для дачи показаний о личности Распутина.

** В детстве были привезены в Россию и отданы на воспитание в Смольный институт Анастасия и Милица — дочери черногорского князя Николая Негоша. Впоследствии сестры оказались замужем за великими князьями Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем. Черногорки стали подружками Алисы Гессенской по приезду ее в Россию. Всюду сопровождали ее, служили ей. Витте называл их «горничными». В период распутинщины, однако, они превратились из подруг царицы в ее непримиримых врагов.

приглашение во дворец, где он быстро овладевает вниманием царской семьи и входит в роль своего человека.

Все последующее, что связано с именем Распутина, зарубежные авторы обычно склонны представить как некий плутовской роман — серию необычайных походов экзотического таежного пилигрима, воспользовавшегося удачной возможностью на царский счет поесть, попить и поразвлечься с дамами. С легкой руки первых белоэмигрантских сочинителей сложилась на Западе манера романтического, приключенческого и этакое сатанинско-демонического изображения распутиниады. Сегодняшние образцы, представляемые книгами Колина Уилсона* и Сальветти Гуальтьеро**, всего лишь повторяют то, что писали прежде генерал Спиридович***, Алексей Марков**** и Борис Алмазов*****. А именно: своим амурно-пьяным разгулом и ресторанными скандалами втершийся в царскую семью мужик подорвал ее божественный престиж и, дискредитировав, так сказать, в житейском плане, погубил ее. С той же позиции выступают и западногерманские коллеги Уилсона: и они стараются «деполитизировать» Распутина, отрицая за ним сколько-нибудь существенную роль в государственных делах, квалифицируя его поведение главным образом как «монашеский курьез», а обвинение его в государственных преступлениях — как недоразумение. Если Распутин и оказывал какое-нибудь влияние на царскую чету, то оно не выходило за рамки религиозной нравственности и семейных проблем, а также некоторой способности лечить внушением. Это был «монах с причудами — и только»^{6*}. Во дворце он ни на что не претендовал, лично для себя ничего не выпрашивал, ему и в голову не приходило добиваться положения «грауэ эминенц» (закулисного правителя), он вообще был «политически индифферентен». «Только тогда, когда все на него ополчилось — министры, депутаты Думы, церковная иерархия и пресса, он стал отвечать, используя единственное оружие, которым обладал, — расположение царицы. Если он в конце концов и стал в России политической силой, то лишь будучи вынужденным к этому из самообороны»^{7*}.

* *Colin Wilson. Rasputin and the fall of the Romanovs. Farrar and Straus, New York, 1964.*

** *Gualtiero Salvetti. Rasputin. Un monaco seduttore alia corte degli zar. De Vecchi, Milano, 1968.*

*** *A. J. Spiridovitsch, russischer General. Rasputin. Hallwag, Bern-Stuttgart, 1939.*

**** *Alexis Markow. Rasputin und die urn ihn. Konigsberg. 1928–1932.*

***** *Борис Алмазов. Распутин и Россия. Славянское издательство, Прага, 1922–1932.*

^{6*} «Die Quelle», 17. III.1970. S. 12.

^{7*} “Welt am Sonntag”, No 28, 14. VII. 1968. S. 16.

Распутин, по словам Уилсона, был во дворце фаворитом; бывали же там фавориты и сто, и двести лет назад, и никто этому не удивлялся.

Конечно, состояли при царях фавориты и шуты и в прежние времена. Являлись они обычно из толпы тех же придворных, зачастую и из аристократов.

Ни на кого из них Распутин не был похож. Он в своем роде уникален. Это фаворит неслыханный и небывалый.

Пришел из тайги во дворец, дошел до императорского трона и, как писал Алексей Толстой, «глумясь и издеваясь, стал шельмовать над Россией неграмотный мужик с сумасшедшими глазами и могучей мужской силой».

Не он ищет милостей у царедворцев, а они заискивают перед ним.

Какие бы сводные обзоры его походов ни составляла тайная полиция, препровождая их в царский кабинет, все отскакивает от него, как горох от стенки.

В разгар его деятельности уже немыслимо рождение во дворце идеи или проекта, которые не связывались бы с его именем.

И поныне он котируется на западных пропагандистских биржах как непреходящая, неувядающая историческая сенсация.

Он стал героем по меньшей мере 20 кинофильмов и телефильмов, поставленных голливудскими, мюнхенскими, лондонскими и прочими продюсерами только за последние 25 лет*.

Он стал героем десятков книг, включая специально ему посвященные поэмы, повести, романы и даже трилогии.

Но если отбросить псевдоромантическую шелуху и эротический гарнир (а того и другого больше чем достаточно в романах и фильмах о Распутине), то фигура эта выглядит несколько по-иному.

Проницательный и хитрый ум помогает ему освоиться с обстановкой императорских покоев, недоступных многим самым высоким сановникам империи. Неряшливый, невежественный мужик с плохо расчесанной бородой сидит вечерами за чайным столом царской четы, часами плетет витиеватую несурязицу о таинствах общения с небом и прочих туманных материях. Скрытой энергией пронизана его сухощавая, слегка сутулая фигура. Незнание этикета, корявость речи и неуклюжесть манер компенсируются наглой самоуверенностью. Он держится с Николаем и Александрой Федоровной спокойно, ласково и непринужденно. Войдя, целуется с ними, обращается к ним на «ты», позволяет себе фамильярно и вместе с тем осторожно тронуть царя

* Таков, в частности, цветной фильм «Ich totete Rasputin» («Я убил Распутина») в постановке режиссера Робера Оссеина по одноименной книге Ф. Ф. Юсупова.

за руку, прикоснуться к его плечу. Пообвыкнув, «Распутин стучал на царя кулаком»*. Царь и царица называют его «Григорий Ефимович» или просто «Григорий», он их — «папа» и «мама».

Он начал в семейном кругу Романовых с роли божьего человека, знатока христианских догм, испытывающего постоянную жажду общения со всевышней силой. В его застольных проповедях — сначала перед царем, а потом в аристократических салонах — смешались мистическая евангельская фразеология со старым хлыстовским словоблудием о единстве плоти и духа. Его ведущий тезис: спасение души возможно лишь через грех и покаяние. Не нагресишь — не покаешься, не спасешься. Чем больше наблудишь, тем выше будет оценен подвиг покаяния там, в небесах.

В странствиях по монастырям он научился молиться крикливо и припадочно, бормотать священные тексты невнятно, заумно и отрывочно, и теперь, в царском дворце, все это ему пригодилось. От глашатая и пророка — один шаг до спасителя. Он олицетворяет и грех, и спасение, и блаженство. Он, кроме того, ниспослан провидением охранять династию, ограждая от опасностей и случайностей жизнь тяжело больного престолонаследника**.

За чаепитием в обществе старца семейство забывает о времени. Все в нем восхищает: и мурлыкающая скороговорка, и молитвенная экзальтация, и программа «чудес». С первых месяцев знакомства с ним Николай то и дело записывает***: «Снова собрались с нашим Другом»; «Слушали его за обедом и в продолжение всего вечера до часу (ночи)»; «И все бы слушать и слушать его без конца»; «Вечером имели утешение побеседовать с Григорием — с 9 часов 45 минут до 11 часов 30 минут»; «Вечером опять побеседовали с Григорием». Одна из записей фикси-

* Блок А. А. Последние дни императорской власти: Собрание сочинений. Изд-во «Правда». М., 1961. Т. 6. С. 335. Далее в сносках: «Блок, стр.». Значение данной работы Блока, цитируемой здесь и в дальнейшем, определяется тем, что поэт, будучи сотрудником Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, принимал непосредственное участие в допросах бывших царских сановников и министров, готовил к изданию материалы о их прошлой деятельности и взаимоотношениях, о совершенных против народа преступлениях.

** Алексей от рождения страдал гемофилией — болезнью несвертываемости (неспекаемости) крови. Малейший ушиб, порез или царапина, обычно пустяковые для нормального ребенка, грозили царевичу смертью. Эту болезнь он унаследовал от гессенского рода — в Германии ее жертвами не раз становились ближайшие родственники Александры Федоровны. Не без ловкости Распутин колдовал над больным, с помощью различных фокусов и ухищрений внушив и ему, и родне, что является единственным и незаменимым его лекарем и спасителем.

*** Из дневника Николая II за 1902–1906 гг. ЦГАОР.

рует, что Распутин прибыл в 3 часа дня, пробыл до вечера, при этом семья открыла ему доступ в свои интимные апартаменты: «Он обошел все наши комнаты». Он попал в царскую спальню. Его особенно интересовали такие укромные уголки. Он еще не раз сюда попадет*. Пока же царь записывает: «Сидел с нами Григорий». И долго еще, почти до конца царствования, даровано было Николаю II наслаждаться обществом трясуна: «Всякое от него слово для меня радость; при нем оживаю душой»**.

Эти многочасовые сидения царя с мужиком могли бы показаться сюжетом для квазинародного лубка, если бы не реальность способов, с помощью которых хитрый сибирский оборотень сыграл на некоторых психопатических чертах своей клиентуры.

Роберт Масси в своей 500-страничной монографии*** доказывает, что Распутин запугал царскую чету угрозой гибели сына. Это верно, но лишь отчасти. Старец запугал чету угрозой и ее собственной гибели. Он научился эксплуатировать страх царя и царицы. Уверовав в прочность своих внушений, в значительной степени гипнотических, он ездил на этом коньке до конца жизни. Усердное служение Распутина своим патронам не исключало ни нажима на них, ни даже прямого шантажа. «Став необходимостью для императрицы, он уже грозил ей, настойчиво твердя: наследник жив, пока я жив. По мере дальнейшего разрушения ее психики, он стал грозить более широко: “Моя смерть будет вашей смертью”****. Он говорил окружающим в Царском Селе, что, когда его не будет, тогда и Двора не будет»*****.

Распутин разглядел свою клиентуру, понял ее. Он с презрением отверг светский этикет, запрещающий громко сморкаться, плевать в обществе и чавкать за едой. Он смекнул, что салонного душки

* Иеромонах Илиодор, друживший с Распутиным, в 1906 г. рассорился с ним и бежал в Норвегию, где издал книгу о его неблаговидном поведении в покоях императрицы. Книга содержала тяжелую улику — собственноручное письмо царицы к Распутину, наводившее на мысль об интимной связи между ними. Министр внутренних дел А. А. Макаров с помощью своей агентуры выкрал в Христианин (Осло) подозрительные письма царицы и представил их царю. Николай устроил жене скандал, а бумаги бросил в камин (*Труфанов С. (Илиодор). Святой чёрт. Христиания, 1907*).

** *Rene Fulop-Miller. Der heilige Teufel. Berlin, 1931; Aron Simanovitsch. Der allmochtige Bauer. Hensel, Berlin, 1929, S. 134.*

*** *Robert Massie. Nicholas and Alexandra. An intimate account of the last Romanovs and the fall of Imperial Russia. Atheneum, New York, 1967.*

**** *Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925. С. 70. Далее в сносках: «Соколов, стр.»*

***** Там же. С. 73. Показания Матрены (Марии) Соловьевой-Распутиной.

из него все равно не получится, грубый же контраст с окружением может сыграть ему на руку. Его мужицкий вид и повадки придают ему во дворце «почвенный» колорит, «пейзанскую» занимательность, и он нарочито выставляет себя корявым, неотесанным. Наблюдения подсказали ему, что мистический выкрик или смутное заклинание зачастую производят на царскую чету более сильное впечатление, чем отработанный логический аргумент. Нечленораздельным бормотанием, таинственными завываниями старец отгоняет бесов от семьи, заговаривает гемофилию Алексея*, наколдovывает династии в целом благополучие и безопасность.

Молитвенные бредни, не поддающиеся расшифровке и переводу на человеческий язык, производят сильнейшее впечатление. Слоняясь по монастырям, он научился загадочно тянуть слова и фразы, «божественно» мычать и бормотать — так, чтобы никто ничего не понял и вместе с тем проникся трепетом. Истинно святое такое косноязычие, в котором ничего не улавливается ни слухом, ни разумом. Чем туманней околесица, тем больше в ней магической силы, и тем выше ее цена. Конечно, если нужно, Григорий Ефимович может унизиться до нормальной человеческой речи. Но идет он на это неохотно.

Особенно усердствует он, когда находится в отъезде и с дальней дистанции хочет продолжать свое воздействие на царскую чету. Из Тюмени или Нового Афона идут во дворец телеграммы, которые непосвященному могли бы показаться плодом белой горячки, августейших же адресатов повергают в благоговение**:

«Увенчайтесь земным благом небесным венцом в пути с вами Григорий».

«Не опоздайте в испытании прославить господу своим явлением».

* Приступы у Алексея осложнились истерией и страхом матери. Успокоение, которое внушал ей Распутин, передавалось и сыну. Нечто вроде гипноза Распутин, по-видимому, применял и непосредственно на больном. Вечерами он приходил к Алексею в темную спальню, садился на край постели, в полумраке устремлял на него свой горящий взгляд, гладил по голове, сильным, не допускающим сомнения голосом рассказывал всякие небылицы, успокаивал, переключал внимание и усыплял. Он настолько приучил его к себе, к своему голосу, к этим ночным беседам с побасенками и прибаутками, что иногда больной при одном его появлении в спальне переставал стонать и плакать и на глазах у потрясенных чудом родителей утихал и засыпал.

** Цитируемые ниже тексты телеграмм, записок и высказываний Распутина частью взяты из документов, обнаруженных после февраля 1917 г. в делах приближенных царя, в том числе Горемыкина, Штюмерера и Воейкова, частью — из переписки Романовых, воспоминаний и записей современников. Некоторые из документов, цитируемых здесь, хранятся в ЦГАОР.

«Не забудьте владыке за гулянку по Костроме пусть носит духом радостно молюсь и цалую».

«Вставку государю императору владыко просит пропеть величанье своеручно благим намерением руководит бог Григорий».

«Ставка государыне императрице письмо да здесь что то выбрано для меня скорби чертог божий прославит вас господь своим чудом».

«Славно бо прославился у нас в Тобольске новоявленный святитель Иоанн Максимович бытие его возлюбил дом во славе и не уменьшить его ваш и с вами любить архиепископство пущай там будет он».

«Ставка Вырубовой моего птенца из гнезда трепещущей пташки жалостливой мамы гостью опять на испытание понедельник я верю вам это ширма и для чего нам такая ширма они еще скажут загородить весь свет огородом что нам в пользу то дайте как волки овец ой не нужно твердыня это бог а узники дети его довольно пусь мой дух будет на небе не на земле Распутин Новых»*.

Об этих произведениях старца издаваемый Владимиром Бурцевым журнал в 1917 году восхищенно отозвался, что «писаны они хорошим русским языком, стилем крепким и ядреным». Впрочем, тут же было пояснено, что «по стилю они напоминают отчасти и язык начетчиков, отчасти условный воровской язык», то есть «многое, кажущееся нам непонятным и странным, его собеседниками воспринималось, по-видимому, легко»**.

Загадочно бормочет что-то старец на своем «ядреном» языке, но, когда обстоятельства требуют, он может и отступить от мистического словооборота. Тогда в его скороговорке улавливается реальный смысл. Ему то и дело приходится отрываться от всевышней силы, чтобы обслужить свою публику на земле. Речь идет о том, что А. Н. Хвостов уже после Февраля назвал распутинской «торговлей влиянием»***. Опираясь на свой авторитет во дворце, старец берет за мзду, конечно, — помочь любому ходатаю в любом затруднении. На комиссионных началах он обеспечивает сановнику желанную должность; промышленному магнату — интендантский заказ или концессию; банкиру — контрольный пакет акций; генералу — командование войсками; полковнику — генеральский чин;

* Ввиду неблагозвучности фамилии «Распутин» царь ввел приставку к ней «Новый» или «Новых», по возгласу малолетнего наследника, который, впервые увидев Распутина, воскликнул: «Этот дядя — новый!»

** Былое. 1917. № 5–6 (27–28). С. 228.

*** Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М., 1924–1927. Т. 6. С. 73–119.

осужденному уголовнику — помилование; пленному германскому офицеру — освобождение*. Насколько более внятным становится в таких случаях его стиль, показывают следующие образцы эпистолярного наследия старца:

Председателю совета министров И. Л. Горемыкину:

«Дорогой старче божей выслушай ево он пусь твоему совету и мудрости поклонитца распутин».

Ему же:

«Милой дорогой старче божей простите застраной вопрос и забеспокойство меня просят сверой посылаю с любовью дайте труд ученый ей хватит Григорий».

Ему же:

«Дорогой божей старче выслушай их помощи ежели возможно извеняюсь Грегорий».

Дворцовому коменданту В. Н. Воейкову:

«Генералу Ваваикову милай дорогой надоело как напиши Рыхлову** пусь даст билеты бедные дорогой и не раз извеняюсь но куда я денусь плачут Распутин».

Ему же:

«Генералу Фавейкову дорогой милай это дело они страдают попусту увидишь старик некак 80 сказать начальнику шестой армии Григорий».

Ему же:

«Ставка генералу Вовейкову вот дорогой милый обидят инженера Кульжинского которому я слышал вы симпатизируете он мне устроил моих бедных минимум 150 и пристроил всего лишь месяц устройте его на место уходящего инженера Борисова начальника управления железных дорог Григорий».

Министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

«Милай дорогой помощи изнывающему в германском плену требуют одного русского против двух немцев бог поможет при спасении наших людей Новых-Распутин».

Ему же:

«Слушай министр я послал к тебе одну бабу бог знает что ты ей наговорил оставь это устрой тогда все будет хорошо если нет намну тебе бока расскажу любящему Распутин».

* По свидетельству б. секретаря Распутина, во время войны через его руки проходило до 150 подобных записок ежемесячно (Симанович. С. 67–68).

** Сергей Васильевич Рухлов (1853–1918) — с 1909 по 1915 г. министр путей сообщения.

Здесь словарь старца эмоционально несколько приподнят, но вообще не чужд ему и жестковатый лаконизм. Хлопочущему о должности он однажды телеграфирует:

«Доспел тебя губернатором. Распутин»*.

Деловой момент иногда увязывается с мистическим. Приобщается к таким случаям один из ближайших друзей старца, архиепископ Варнава. Например, пока Распутин прозаически «доспевает» одного из своих клиентов на должность губернатора, Варнава по его поручению организует романтическое чудо в небесах.

«Варнава** только что телеграфировал мне из Кургана следующее.

«Родная Государыня, 14 июня, в день святителя Тихона чудотворца, во время обхода вокруг церкви в селе Барабинском в небе вдруг появился крест. Он всем был виден, минут пятнадцать. Так как церковь святая поет: «Крест царей — державе верных утверждение», то и радую вас сим видением. Господь послал нам сие знамение, дабы верных ему укрепить своей любовью. Молюсь за вас всех». Дай бог, чтобы это видение было добрым предзнаменованием, ведь кресты, появляющиеся в небесах, бывают такими не всегда»***.

Грубым фетишизмом пронизана жизнь последних Романовых под сводами их дворцов. С легкой руки старца здесь привилась вековая примитивная техника колдования. Бьют бубны, предупреждают о недруге колокольчики, адресуется разным божкам молитвенная ско-

* Соколов Н. А. С. 68.

** Архиепископ Тобольский и Сибирский.

*** Письмо царицы к Николаю II от 17 июня 1913 года. Цитируемые ниже письма Романовых — Николая II, Александры Федоровны и Марии Федоровны находятся частью в советских архивах (например, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве), а частью на руках у различных лиц за рубежом. Многие из этих документов были опубликованы в советских и зарубежных изданиях, в частности в следующих: 1. Николай Второй и Александра Федоровна. Переписка. М.; Л.: ГИЗ, 1923–1927. I–V. 2. Переписка Николая и Александры Романовых. «Слово». Берлин, 1922–1927. 3. The letters of the Tsaritsa to the Tsar. Intro by Sir Bernard Pares. 404 letters printed in original English. Were discovered in a black box at Ipatiev's house after the murder. Duckworth, London, 1923. 4. The letters of the Tsar to the Tsaritsa (1914–1917). Intro and notes by C. E. Vulliamy. London; John Lane. The Bodley Head. Dodd Mead, New York, 1929. 5. The letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. Ivor Nicholson and Watson, London, 1937. 6. Edward J. Bing. The confidential correspondence between Nicholas II and his mother, dawager Empress Marie Feodorovna. Longmans-Green, New York, 1938. 7. Der letzte Zar. Briefwechsel Nikolaus mit seiner Mutter. Einleitung und kurze Eriauterungen von Wladimir V. Korostowetz. Alfred Metzner Verlag, Berlin, 1938. Приводимые ниже выдержки из писем Романовых на английском и немецком языках даны в переводе автора этой работы.

роговорка: чурбанчикам, пенькам, идолам, лепным и резным истуканчикам, амулетам, палке с рыбьей головой в виде набалдашника и пояску с вмонтированными в него священными цитатами. Юродствующий фетишизм прячется за внешним лоском европейской образованности, за изысканностью парадных выходов, за блеском балов и пиров.

«Наш первый друг Филипп*, — пишет Александра Федоровна супругу, — подарил мне образ с колокольчиком, который предупреждает меня о близости недобрых людей, мешает им подойти ко мне поближе. Я это чувствую, я могу таким способом и тебя оберегать от злых людей... Они знают, что, если в их замыслах что-нибудь не так, я это почувствую и отвергну. Все это не по моей воле, а сам Господь Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Григорий всегда это говорил, и мсье Филипп тоже» **.

Сигнальную службу может нести и другой предмет, например палка.

«Посылаю тебе Его (Распутина. — *М. К.*) палку, которую он когда-то получил из Нового Афона, чтобы передать тебе. Он пользовался ею, а теперь посылает тебе в знак благословения. Если можешь, хоть иногда пользуйся ею. Мне приятно, что она будет стоять в твоём купе рядом с той палкой, которую в свое время трогал мсье Филипп» ***.

Есть и другой интересный предмет: священные пояски.

«Они (военные. — *М. К.*) все любят такие пояски Григория, в которые вложены записки с разными молитвами. Я даю такие записки офицерам, отправляющимся на фронт. Два офицера, которых я прежде никогда не видела, попросили у меня пояски с молитвами отца Серафима. Мне говорили, что солдаты, носившие такие пояски в последнюю войну, все остались живы» ****.

«Не забудь, — сопровождает Александра Федоровна инструкцией посылаемый супругу гребешок, — причесываться перед каждым трудным разговором и решением. Эта маленькая гребенка принадлежит

* Колдунами и чародеями последняя чета Романовых увлекалась издавна. Из отечественных прошли перед ней чередой: богомолка Дарья Осипова, странник Антоний, ворожея Матрена-босоножка, юродивый мещанин Митька Козельский и другие. Среди приглашенных из-за границы первыми были француз Папюс и австриец Шенк. Непосредственно Распутину предшествовал выписанный из Франции некий мсье Филипп. В прошлом он — лионский колбасник, затем фельдшер; преследовался французской полицией за шарлатанство. Его поселили рядом с царской спальней, чтобы он спиритическими, гипнотическими и иными приемами намолил чете сына-наследника (после четырех дочерей). Он же стал для Романовых чем-то вроде консультанта по вопросам государственного управления.

** Письмо царицы к Николаю II от 16 июня 1915 года.

*** Письмо царицы к Николаю II от 14 июня 1915 года.

**** То же, от 20 сентября 1915 года.

нашему Другу. Она придаст тебе силы». И потом — еще раз: «Не забудь перед совещаниями несколько раз причесываться Его гребенкой»*.

Путешествующей по Новгородской губернии царице представили столетнюю богомолку, носящую вериги. Описав мужу эту встречу, царица добавляет: «Тебе старица посылает яблоко. Пожалуйста, съешь его».

В другой раз царь просил жену передать А. А. Вырубовой, что «я видел ее брошь, приколотую к иконе, и касался ее носом, когда прикладывался»**.

Казалось, разнообразие способностей, проявленных Распутиным, предельно. Он проповедник благочестия и содержатель дома свиданий на Гороховой, 64; гипнотизер и дегустатор, знаток евангелических догм и врачеватель. До поры до времени одного только не хватало в этом комплексе: контакта с прессой.

И однажды старец этот пробел возместил. Совершилось в Петрограде диво преобразования бродячего богомольца в литератора и общественного мыслителя.

Владея ограниченным умением скомпоновать из каракулей записку в 5–10 строк, он ухитрился в 1910 году издать в Петрограде серию собственных теологически-философских опусов на тему о смысле и сущности бытия (под общим заголовком «Благочестивые размышления»); а кроме того, он дал петербургской прессе ряд интервью, в которых с необыкновенной живостью начертил пути, какими, по его мнению, должны следовать в будущее и династия, и империя.

Кто были его соавторы — тайна сия невелика есть. Кем писались для него теологические труды, тем и готовились для прессы и его программно-политические откровения. Одно из таких откровений явно воспроизводит германофильские установки сановников типа Шванебаха и Нейгардта.

В своем интервью Распутин заявляет, что «русские не могут обойтись без иностранцев». На стороне иностранцев — «машина», у русских только «душа». Пусть насаждают «разные там немцы или турки» — беды нет:

«Что иностранцы прут к нам — это хорошо». Если же его, Распутина, спросят, что в этом, собственно, хорошего, он должен будет откровенно сказать, что будущее России, по его мнению, все равно безнадежно: «Все равно от них (русских. — М. К.) ничего не останется. Как-нибудь потом вспомнят, что были, а их уже не будет». Что же делать русским в предвидении такой перспективы, то есть грядущего прихода немецкой «машины», в результате которого от России «ничего

* То же, от 3 декабря 1915 года.

** Письмо Николая II к царице от 26 февраля 1917 года.

не останется»? А ничего: сидеть «любовно и тихо, смотря в самих себя». Пока русские будут «сидеть любовно и тихо», он, Григорий Ефимович, поможет «мамаше», Шванебаху и Нейгардту как-нибудь столкнуться с «прущей машиной»*.

То же не раз говорил он при иных обстоятельствах и встречах. Его германофильство было «убежденным, активным и настойчивым» и пронизывалось «концепцией русского самоуничижения и самоуничтожения»**. Своему секретарю он внушал: «На нее (кайзеровскую Германию) надо нам равняться, ей в рот и смотреть... Она — сила, купец ее — сила... Русский привык к немецким товарам. Немец умеет работать. Немец молодец»***. Нелегко определить, какая доля его воззрений исходила из его собственного понимания вещей — эту способность сильно сковывала его некультурность (он не умел читать, не знал книг и документов, не разбирался в карте мира, о малых и иных средних государствах никогда не слышал). Во всяком случае, среди наблюдавших его были убежденные в том, что он, при всей изощренности своего хитрого ума, все же в главном лишь повторяет подсказываемое ему. Принципиальная основа представлений — чужая, форма практического истолкования — своя.

Вот мнения некоторых из тех, кто судил о нем не только понаслышке:

«Я решительно отказываюсь видеть в нем самодовлеющую личность. Он не был ею, и в своей политической роли он подчинялся, вследствие своего невежества, чьим-то директивам»****.

«Мало-помалу Распутин вошел в личную жизнь царской семьи. Для государыни он был святой. Его влияние в последние годы было колоссально. Его слово было для нее законом. Он и наедине принимался ее величеством... Она была совершенно обусловлена волей Распутина... Она вмешивалась в дела управления. Но в действительности она в этом имела не свою волю, а волю Распутина»*****.

Николай Николаевич упрашивал своего племянника «прогнать гнусного мужика»^{6*}. Его величество не только не внял этим уговорам, но и считал своим приятным долгом регулярно осведомлять Григория Ефимовича о домогательствах дяди. «С тех пор Распутин

* Петербургская газета, 1913, 13 октября.

** *Charles Omessa*. Rasputin and the Russian court. London, 1938, p. 89.

*** *Симанович А. С.* Воспоминания личного секретаря Г. Е. Распутина. Рига: Изд-во «Ориент», 1921. С. 117.

**** *Соколов*. С. 78.

***** Там же. С. 88.

^{6*} *Maurice Paleologue*. Am Zarenhof während des Weltkrieges. Tagebucher u. Betrachtungen. München, 1931. В. II. S. 161.

не расстаётся с мыслью об отмщении» *. Как только сложилась благоприятная для этого обстановка неудачи на фронтах в дни мировой войны, перелом в настроениях Двора в пользу сепаратного мира, противником которого был Верховный главнокомандующий, группа Распутина дала Николаю Николаевичу бой и одолела его.

В августе 1915 года, следуя настойчивым рекомендациям Распутина, поддержанным царицей, царь отстраняет от должности дядю и возлагает обязанности Верховного главнокомандующего на себя. Так и не успев Николай Николаевич осуществить свою заветную мечту, которой он еще в конце 1914 года поделился со штабными офицерами: буде Григорий Ефимович мелькнет в Ставке или хотя бы где-нибудь во фронтовой полосе, повесить его на первом же суку с последующими извинениями перед царской четой за недоразумение, объяснимое условиями военного времени.

Он был живуч и неуязвим, достопочтенный старец. Кроме того, ему долго везло. Не первым и не последним был Николай Николаевич в ряду тех, кто пытался оборвать эту скандальную эпопею, но потерпел неудачу.

Его авторитет в глазах царской четы непререкаем. Влияние незыблемо. Недруги работают ожесточенно, но впустую. Теперь его роль во Дворце уже не ограничивается, как бывало, душеспасительными беседами за вечерним чаем. Его экзотические застольные монологи маскировали определенную программу и холодный расчет.

Цель, какую поставил перед собой Распутин (точнее — какую поставили перед ним тайные силы, проложившие ему путь), сводилась к тому, чтобы, упрочившись во Дворце с помощью проповедей и фокусов, прибавить силы дворцовой прогерманской группе, влиять на ход политических дел в ее интересах, а буде окажется возможным — в интересах той же германофильской партии забрать верховную власть.

Утвердившись на страхе, маниях и психопатической ущербности некоторых больных людей из Царскосельского дворца, поднялся над Россией в последнее десятилетие царизма — по выражению Коковцова — «тобольский варнак» **, повернул к России — по выражению Шульгина — «свою пьяную и похотливую рожу лешего-сатира из тобольской тайги» ***.

Он не раз говорил в узком кругу, что «войны нашего царя с германским» не допустил бы, кабы в дни июльского кризиса был в Петербурге. Если есть в этом какое-то преувеличение, то есть и зерно реального. Как известно, в самом начале Первой мировой войны старец очутился в тюменской больнице с тяжелым ранением, которое нанесла ему уда-

* Ibid. В. II. S. 174.

** Коковцов В. И. Из моего прошлого. Париж, 1933. С. 1–87.

*** Шульгин В. В. Дни. Л., 1926. С. 75. Далее в сносках: «Шульгин, стр. ».

ром ножа его бывшая поклонница Феония (Хиония) Гусева, присланная из Царицына в Покровское иеромонахом Илиодором, врагом Распутина. Позднее корреспонденту лондонской газеты «Таймс», разъезжавшему по Сибири, рассказали в тюменской больнице, что, «когда Распутину в палате вручили высочайшую телеграмму с известием о начале войны, он на глазах у больничного персонала впал в ярость, разразился бранью, стал срывать с себя повязки, так что вновь открылась рана, и выкрикивал угрозы по адресу царя*». А прибыв после излечения в Петроград, сказал дворцовому коменданту: «Коли бы не та стерва, что меня пырнула, был бы я здесь и не допустил бы до кровопролития... А тут без меня все дело смастерили всякие Сазоновы да прочие министры окаянные...»**. Да и дочь старца Матрена (Мария), месяц просидевшая в Тюмени у его постели, засвидетельствовала в эмиграции:

«Отец был горячим противником войны с императорской Германией. Когда была объявлена война, он, раненный Хионией Гусевой, лежал тогда в Тюмени. Государь присылал ему телеграммы, прося у него совета... Отец всемерно советовал государю в своих ответных телеграммах “крепиться” и войну Вильгельму не объявлять»***.

Германофильство Распутина питалось твердым и постоянным убеждением (очевидно, внушенным ему инспираторами), что стабильность романовского престола лучше всего гарантируется союзом с кайзером. И он со всем рвением включается в игру сплотившейся вокруг императрицы пронемецкой группы. Он был по-своему верен Романовым, и если предавал, то для их блага.

Он был для них находкой. Они еще в 1902 году удачно распознали его возможности.

В зависимости от обстоятельств, влияние Распутина на ту или иную государственную акцию может быть косвенным или прямым. И все же, по мнению современников, в общем и целом ко времени Первой мировой войны «его деятельность все более походит на параллельное самодержавие»****.

С увольнением Николая Николаевича убрано существенное препятствие с пути «параллельного самодержавия». К тому же у царя свои счеты с дядей. Николай не может простить ему высказывания в пользу «дарования свобод» в петергофском коттедже в октябре пятого года.

* *Вильтон (Уилтон) Роберт*. Последние дни Романовых. Берлин: Изд. «Град Китеж», 1923. С. 43–44.

** *Юсупов Ф. Ф.* Конец Распутина. Париж, 1927. С. 116.

*** *Соколов*. С. 68.

**** *Otto von Taube*. Rasputin. Zurich; Bern, 1929. S. 22.

Он подозревает, что дядя мечтает захватить трон. Германофилы на-шептывают ему о происках, могущих «привести к диктатуре Николая Николаевича, а может быть, и к его восшествию на престол... Об этих слухах знали и полиция, и контрразведка. Не мог не знать о них и государь. Попали ли в его руки какие-либо доказательства — не знаю, но в переписке императрицы все время звучит нотка опасения перед влиянием великого князя»*.

Приближенные царя возражали против его самоназначения Верховным главнокомандующим. Не было единодушного «за» даже в группе Распутина.

Например, «когда царь сказал Фредериксу о решении принять на себя главнокомандование, граф сразу высказался против»**. И многие другие «предостерегали его от опасного шага... Мотивами выставлялись, с одной стороны, трудность совмещения управления (страной) и командования, с другой — риск ответственности за армию в столь тяжелые для нее времена... Был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового верховного осложнит и без того трудное военное положение»...*** И в самом деле, что тут было гадать: «Все знали неподготовленность государя, достигшего на военной службе лишь скромного положения полковника одного из гвардейских полков»****. К тому же «он и в общем-то был человеком среднего масштаба... не по плечу и не по знаниям ему было непосредственное руководство войной...»****. Естественно, что «вступление его в командование было встречено недоверием и унынием. Весь его внутренний облик мало соответствовал грандиозному масштабу этой войны»^{6*}. И все же «несмотря на единодушный (отрицательный) совет всех членов правительства перемена состоялась»^{7*}.

23 августа 1915 года императорский поезд подходит к Могилеву, куда решено переместить Ставку. Из вагона выходит новый Верховный главнокомандующий в сопровождении вновь назначенного (на место Н. Н. Янушкевича) начальника штаба — генерала М. В. Алексева, который с марта того же года командовал Северо-Западным фронтом, а теперь отозван.

* Мосолов. С. 22.

** Там же. С. 18.

*** Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж. 1923. Т. 1. Вып. 1. С. 33.

**** Данилов В. Н. Воспоминания // Архив русской революции. Т. XIX. С. 213–217.

***** Там же.

^{6*} Данилов В. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 274.

^{7*} Мосолов. С. 22.

Под штаб отведено в городе двухэтажное здание. На крыше поставлены для защиты от цеппелинов и аэропланов 18 пулеметов. Наружную и внутреннюю охрану несут полторы тысячи солдат. Царь занимает в доме две комнаты: одна служит рабочим кабинетом, другая — спальней. Рядом со своей кроватью Николай позднее велел поставить койку для наследника, которого стал возить на фронт для показа войскам...

Распутин, интригуя против Николая Николаевича, знал свою цель. Он видел, куда метит. С августа 1815 года начинаются сдвиги не только в аппарате военного руководства, но и в системе общей администрации. Суть перемены: «Став Верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть... окончательно расплылась в руках Александры Федоровны и тех, кто за ней стоял»*.

Отныне царь сидит в Могилеве, за восемьсот верст от столицы, а в его отсутствие «с изумительной энергией принимается за дела», то есть полновластно распоряжается, Александра Федоровна, хотя «законных полномочий на это она не имеет, да и действует она по указанию Распутина, зачастую помимо или даже наперекор желаниям царя»**. С этого времени «столица со всей своей политической жизнью переходит на какое-то странное, нелепое, я бы сказал, нелегальное положение: настоящего кабинета нет; председатель его престарелый Горемыкин не может достигнуть единомыслия со своими министрами; одни из них сами ездят (за указаниями) в Ставку, другие — в Царское Село; полностью отсутствует единство в управлении; работа идет, но никто ею не руководит»***.

Царица регулярно совещается со старцем и вместе с ним выносит решения. Обычное место этих встреч — царскосельский домик А. А. Вырубовой (названный А. Д. Протопоповым «папертью власти»). Письма царицы в Ставку пестрят сообщениями о таких встречах и совещаниях****:

«Аню видела мельком. Наш Друг пришел туда со мной переговорить»... «Я собираюсь пойти к Ане, чтобы встретиться с нашим Другом»... «Наш Друг вчера побыл у Ани, он был так хорош... много расспрашивал и о тебе»... «Пошла к Ане и просидела там до пяти часов, переговорила там с Другом»... «Вновь собираюсь повидать у Ани Друга»... Когда Распутин пребывает вне Царского Села, Александра

* Блок. С. 8.

** Мосолов. С. 24.

*** Там же. С. 22.

**** Из писем царицы к Николаю II в 1915–1916 годах.

Федоровна доводит до сведения супруга его советы и наказания, переданные на расстоянии. «Что за прелестная телеграмма от нашего Друга»... «Очаровательная телеграмма от Друга, она доставит тебе удовольствие»... «Переписал ли ты для себя на особом листе и эту Его телеграмму?» «Держи эту бумагу перед собой... вели ему (Протопопову. — М. К.) больше слушаться нашего Друга, это принесет ему счастье, поможет ему в его трудах и твоих».

Реакция Николая: «Нежно благодарю тебя за твое милое письмо и точные инструкции для разговора моего с Протопоповым»*.

В устах самодержца, который 23 года столь непримиримо отстаивал свое божественное право на единоличную власть, благодарность за «точные инструкции» может с первого взгляда показаться иронической. Но Николай не иронизировал. Наставления царицы давались и принимались всерьез. Она под диктовку Распутина записывала для царя указания, и тот со скромным «спасибо» их принимал. Бывали, впрочем, исключения. Однажды царь в письме к супруге выразил сомнение, следует ли (а она именно этого требует) оставлять не вполне нормального А. Д. Протопопова на посту министра внутренних дел. Предвидя, что Распутин вступится за него, Николай добавляет: «Только прошу тебя, дорогая, не вмешивай в это дело нашего Друга. Ответственность несущая, и поэтому мне хотелось бы быть свободным в своем выборе»**. Царица пишет: «Мой милый!.. Я, может быть, недостаточно умна, но у меня сильно развито чувство, а оно часто помогает больше, чем ум. Не смей никого до нашей встречи, давай спокойно все обсудим вместе»***.

Николай послушался, оставил Протопопова в должности, в каковой тот и состоял до Февральской революции.

Если сопоставить даты царицыных писем, содержащих наставления Распутина, с датами императорских указов тех дней, — отчетливо видишь, каким обширным было влияние старца на ход государственных дел.

Без его согласия или рекомендации не может состояться почти ни одно важное решение или назначение.

Его отзыва достаточно, чтобы сановник лишился поста или, напротив, получил под свой контроль еще более важное министерство или ведомство.

В последние годы царизма уже не происходит ни одного крупного назначения или перемещения, которое прямо или косвенно не было бы делом рук Распутина.

* Письмо Николая II к царице от 28 сентября 1916 года.

** То же, от 2 декабря 1916 года.

*** Письмо царицы к Николаю II от 10 ноября 1916 года.

Он провел назначение на пост военного министра В. А. Сухомлинова (прослужил с 1909 по 1915 год), а когда последнего сменил более честный и дельный А. А. Поливанов (прослужил с 13 июня 1915 по 13 марта 1916 года), Распутин добился его устранения с этого поста.

Им было проведено назначение на пост министра внутренних дел А. Н. Хвостова (1915 год).

По его настоянию та же должность была дана А. Д. Протопопову (занимал ее с сентября 1916 по февраль 1917 года).

По его рекомендации был назначен председателем Совета министров И. Л. Горемыкин (состоял в должности с января 1914 по январь 1916 года).

Он добился назначения на тот же пост Б. В. Штюмерера (прослужил с января по ноябрь 1916 года).

Уже после его смерти был назначен на тот же пост рекомендованный им Н. Д. Голицын (во главе правительства с декабря 1916 по февраль 1917 года)*.

Его ставленниками на министерских и иных ответственных постах были Л. А. Кассо, И. Г. Щегловитов, Г. Ю. Тизенгаузен, С. В. Рухлов, П. Г. Барк, И. Л. Татищев, В. Н. Воейков, А. А. Риттих, Н. А. Добровольский, С. П. Белецкий и другие. Все они и им подобные получили свои должности лишь после того, как обязались перед Распутиным выполнять его личные требования и подчиняться его указаниям. Главный показатель пригодности деятеля к государственной работе степень преклонения перед достопочтенным Григорием. Если министр покорен старцу — он хорош; если не благоговеет — подозрителен, лучше от него избавиться. На этой основе в годы войны было назначено и смещено около двадцати министров и несколько председателей Совета министров.

Постепенно этот принцип переносится с гражданской сферы в военную. Старцу хочется побольше знать о фронтовых делах, больше того — он желает регулировать их. Из своей квартиры на Гороховой, 64, сибирский леший тянется и к военной информации, и к военному руководству. С лета 1915 года выявляется его претензия на участие в планировании операций, на постановку задач армиям и фронтам. Опираясь на сведения, добываемые через Александру Федоровну, он пытается давать военно-политические установки главному командованию. Как ни парадоксально, в советах, исходивших от тюменского шамана, вовсе не было сумбура

* О происках распутинской группы вокруг военного ведомства см.: *Сухомлинов В. А.* 1) Дела и дни. Дневники. Т. 1 — 1920. Т. 2 и 3 — 1922; 2) Воспоминания. Берлин: Русское универсальное издательство. 1924; *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний военного министра. М., 1924.

или бессмыслицы. В них была своя логическая последовательность, обусловленная определенной идеей: неуклонным снижением активности вооруженных сил продемонстрировать перед Вильгельмом уступчивость, готовность к примирению. А в подходящий момент заключить с ним сепаратный мир, чтобы при его поддержке перейти во внутреннее наступление во имя спасения и укрепления царского трона.

Задача не из легких... Слишком много крови пролито уже на первом этапе войны, чтобы можно было выдать бойню за дипломатическое недоразумение...

В квартире Распутина, на Гороховой, 64, сквозь зашторенные окна третьего этажа до поздней ночи пробивался гул. В нем смешались застольные речи, молитвенные песнопения, цыганский гитарный перезвон, топот пляски, мужские нетрезвые выкрики и дамское повизгивание. К подъезду в полукруглом дворике за аркой подкатывают нарядные фаэтоны, дорогие автомобили и обыкновенные извозчичьи пролетки. За самыми солидными из визитеров выбираются из экипажей лакеи, несут вверх по лестнице ящики с винами, корзины со снедью и цветами.

Некоторые из визитеров предпочитают пробраться вверх не парадным, а черным ходом, и не днем, а ночью. Цветистой кавалькадой тянутся к старцу министры, рестораторы и биржевые маклеры; князья, адвокаты и торговцы бриллиантами; фрейлины, банщики и театральные антрепренеры. Под покровом вечерней мглы проскальзывают сюда отставные или еще действующие главы российского правительства Горемыкин, Штюрмер, министры Хвостов и Протопопов, шеф департамента полиции Белецкий, сановники Краммер и Шванебах, архиепископ Варнава, князь Феликс Юсупов, тот самый, от руки которого хлебосольный старец через два года примет смерть.

С 1915 года в потоке посетителей квартиры все чаще начинают мелькать военные — офицеры и генералы, обычно приводимые сюда князем Андрониковым. Как бы само собой получается, что замешиваются в толпу гостей также дамы и господа, по различным обстоятельствам разъезжающие по районам фронтов, колесящие по расположению действующих армий.

Грубые манеры и постоянное пребывание под хмельком не мешают Распутину цепко держать эту разномастную публику в руках. Опирается он при этом на своих приближенных, куда входят: А. А. Вырубова, М. М. Андроников, А. В. Сухомлинова (супруга военного министра), д-р Бадмаев, Д. Л. Рубинштейн (именуемый Митряем или Митькой) и А. С. Симанович (именуемый Симочкой). Привычку старца давать прозвища приписывали тогда его крестьянскому чувству юмора, склонности к шутке (Протопопов — «Калинин», Горемыкин —

«Глухарь», Штюрмер — «Тюря», «Старикашка», Варнава — «Мотылек», Воейков — «Вивека» и так далее). «Эта его манера коверкать фамилии казалась забавной и многим в нашей среде очень нравилась»*.

А. А. Блок писал, что люди «в самых верхах» империи «окрестили друг друга и тех, кто приходил с ними в соприкосновение, такими же законспирированными кличками, какие были в употреблении в самих низах — в департаменте полиции»**.

Война затруднила германский шпионаж в России, но отнюдь не прервала его и даже не очень ослабила. Уже нет у немцев передаточного пункта в Вержболове — там проходит фронт; но создан такой пункт — и назван он «Зеленым центром» — в Стокгольме. Руководит им посол в Швеции фон Люциус, по линии абвера тесно связанный в Берлине с кайзеровским обер-шпионом полковником Николаи. Кто и где работает на Люциуса, то есть на Николаи? Антантовские секретные службы доносят своим правительствам, что в ходе военных действий на востоке Европы германское командование обнаруживает странную осведомленность: оно зачастую наносит удары с точностью, какую обычными средствами фронтовой разведки обеспечить невозможно. Как ни слабо поставлена русская контрразведывательная служба, но и она от времени до времени обращает внимание ставки царя на те же подозрительные обстоятельства. Нет сомнения, настаивают с обеих сторон, что противнику удастся столь точно бить по определенным целям потому, что ему подаются сигналы агенты, орудующие где-то в глубине русского тыла.

Летней ночью 1915 года петроградская контрразведка вторгается в отель «Бельвю» на Большой Морской и устраивает обыск в номере 28, занятом князем М. М. Андрониковым.

Этого человека знал весь официальный Петроград. И все же известно о нем было не слишком много. В 1942 году один из немецко-фашистских авторов огласил некоторые подробности жития данного субъекта***. Родился и вырос Андроников в Германии; его мать — баронесса Унгерн-Штернберг. По приезде в молодые годы в Россию связался с «Союзом русского народа», сдружился с петроградским градоначальником фон дер Лауницем, издавал газетку «Голос русского».

Но кое о чем коричневый автор умолчал. О том, что с годами Андроников вошел в доверие к Распутину и стал одним из самых близких

* Воейков. С. 69.

** Блок. С. 9.

*** Werner Gruhn. Der Zar, der Zauberer und die Juden. Mit 19 Abbildungen, Nibelungen Verlag, Berlin — Leipzig, 1942. S. 285.

к нему и доверенных лиц. «Это дрянная личность, — отзывался о нем бывший премьер С. Ю. Витте. — Сыщик не сыщик, плут не плут... Постоянно о чем-то хлопочет, интригует, ссорит между собой людей... Втирается ко всем министрам... влез и ко мне в служебный кабинет... Ближайший друг Сухомлинова, его супруги, министра внутренних дел Макарова, бывает и у Коковцова, который сказал о нем: “Большая дрянь”»*.

Неведомо какими путями Андроников во время войны раздобыл пропуск в расположение 12-й армии и повадился ездить туда к знакомым офицерам-аристократам. В Петрограде познакомился в «Астории» и «Европейской» с офицерами-отпускниками, приводил их на Гороховую, 64, угощал и знакомил с женщинами. Своей квартиры в столице не имел, проживал в «Бельвю», где за перегородкой оборудовал приватное делопроизводство: здесь прятал добытые на фронте и в тылу военные документы, а также составлял по запросам из Германии справки о судьбе попавших в русский плен германских офицеров. В ходе обыска в «Бельвю» агенты контрразведки среди прочих документов обнаружили составленную генералом Епанчиным записку о состоянии армейских резервов и вооружения. Зачем и для кого она писалась? Этого на допросе не смогли вразумительно пояснить ни Епанчин, ни Андроников. Из последовавшего по этому случаю приказа можно было узнать, что генерал Епанчин «по повелению Верховного главнокомандующего увольняется от службы без права ношения мундира за составление записки, в которой он, Епанчин, позволил себе изложить весьма секретные сведения военного характера». Андроникову же и вовсе ничего не сделалось; он остался на свободе и продолжал свои темные занятия до декабря 1916 года, когда, за исчезновением старца в невской проруби, военно-информационная биржа на Гороховой, 64, закрылась навсегда. Затем царь приказал сослать Андроникова в Рязань.

Летом 1916 года полковнику Николаи удается совершить одну из крупнейших диверсий периода Первой мировой войны. В обстановке исключительной секретности из британской гавани Скапа-Флоу выходит курсом на Архангельск крейсер «Хэмпшайр»: он везет в Россию на переговоры о координации межсоюзнических оперативных планов фельдмаршала лорда Герберта Китченера, военного министра. 5 июня германская подводная лодка «У-22», поджидавшая английский крейсер в указанном ей квадрате у Оркнейских островов, торпедирует и пускает ко дну корабль, вместе с экипажем погиб и Китченер. Долгие годы

* *Vitte S. Ю.* Воспоминания в трех томах. М., 1960. II — 44. III — 384.

после этого (вплоть до нацистских времен)* в Германии оспаривали нападение «У-22» на «Хэмпшайр», утверждая, что крейсер подорвался на mine. Однако расследование, предпринятое тогда же английской службой «Сикрет сервис» совместно с контрразведывательным отделом Скотланд-Ярда, выявило, что «Хэмпшайр» был взорван торпедой с подводной лодки и что сведения о его рейсе стокгольмский «Зеленый центр» фон Люциуса несколько ранее получил из Петрограда от некоего Шведова, завсегдажая квартиры 20 на Гороховой, 64. Подтвердил эти данные в 1921 году в своих мемуарах бывший секретарь Распутина**. Вслед за ним в 1924 году в интервью для западной прессы, воспроизведенном и в советской печати, подтвердил то же бывший жандармский генерал М. С. Комиссаров***, в свое время ведавший охраной Распутина. То же заявил в своих опубликованных в Лондоне в 1933 году мемуарах бывший инспектор контрразведывательного отдела Скотланд-Ярда Герберт Фитч. Из книги же Симановича можно узнать, что Николай II, встревоженный упреками из Лондона, попросил Распутина «указать виновника гибели Китченера». Распутин, по словам автора, указал на Андроникова и Воейкова, но «царь не тронул ни того ни другого»... Шведов, однако, незадолго до Февральской революции был осужден и повешен.

К тому же примерно времени относится дело группы киевских сахарозаводчиков (Хепнер, Добрый и Бабушкин), умудрившихся во время войны наладить снабжение немцев русским сахаром. Всем троим грозила смертная казнь через повешение. Они обратились за помощью на Гороховую, 64. Однако спасти обвиняемых оказалось трудным делом даже для Распутина, потому что арестованы они были по приказу Брусилова (командующего Юго-Западным фронтом), генерал же и слышать не хотел о представлениях в их пользу, даже идущих от царицы. Лишь когда Николай повелел передать дело из военного судопроизводства в гражданское, спекулянты почувствовали себя ушедшими от петли; в конце же шестнадцатого года дело было и вовсе прекращено.

За самоваром в квартире 20 весной того же года банкир Д. Л. Рубинштейн просит Распутина узнать у царя дату предполагаемого русского на-

* Упомянутый выше Вернер Грюн, ярый гитлеровец, в той же своей книге, изданной в 1942 году в лейпцигском издательстве «Нибелунген», всячески выгораживает Распутина и Андроникова, «как не имевших абсолютно ничего общего с германской разведкой». Он ссылается, между прочим, на выступление по германскому радио 5 января 1940 года адмирала фон Лютцова, который, «еще раз коснувшись давнего эпизода с “Хэмпшайром”, еще раз убедительно осветил правду о его гибели на mine».

** Симанович. С. 92–96.

*** Комиссаров М. С. Интервью об обстоятельствах гибели Китченера в 1916 году. Л.: Изд-во «Красная газета», 17 декабря 1924 года.

ступления в Галиции. В ближайший свой визит во дворец божий человек, как бы между прочим, вклинивает в застольные диалоги такой вопрос:

— «Будешь ли наступать?»

— Наступления не будет, Григорий Ефимович, — отвечает высокий собеседник.

— Когда же будешь наступать?»

— Ружей будет достаточно только месяца через два. Тогда и наступать буду, раньше не могу»*.

Узнав об этой беседе за царским столом, министр Хвостов спрашивает старца, почему, собственно, его интересуют предметы, столь далекие от Ветхого и Нового завета, а также от проблемы взаимозависимости духа и плоти? Следует объяснение: «Митяй» замыслил куплю-продажу лесных угодий в западных губерниях; он не знает, как пойдут военные события, и в зависимости от сведений решит — приступать к сделкам или воздержаться.

«Нужны ли были ему эти сведения, чтобы купить леса, или для того, чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин и сделать для немцев возможной переброску 5–6 корпусов с русского фронта на Верденский — это теперь уже установить трудно»**.

Тот же Д. Л. Рубинштейн, глава Русско-Французского банка и страхового общества «Якорь», в 1915 году был арестован по обвинению в систематической передаче своим партнерам в нейтральных странах сведений о движении застрахованных в «Якоре» русских транспортов с военными грузами. Немцы, перехватывая информацию, топили эти корабли. Рубинштейну грозила виселица. Но после вмешательства Романовых и Распутина он в 1916 году был выпущен на свободу.

От Распутина у царской четы не было государственных секретов, в том числе военных. Он спрашивал, о чем хотел, и они отвечали ему на любые вопросы, какие он ставил. Без всякого риска навлечь на себя подозрение или хотя бы упрек в излишнем любопытстве он запрашивал информацию, доступ к которой закрыт был не только большинству старших офицеров, но и многим генералам. Переписка четы Романовых 1914–1916 года оставляет впечатление, словно и царь и царица озабочены были тем, как бы не прошло мимо внимания Григория Распутина ни одно важное военное событие.

«Наш Друг, — сообщает супругу в Ставку Александра Федоровна, — все молится и думает о войне. Он говорит, что необходимо, чтобы

* Симанович. С. 133–136.

** Падение царского режима. Стенографические отчеты Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Показания А. Н. Хвостова. Т. 1. С. 31–32.

мы Ему тотчас же сообщали обо всем, как только происходит что-нибудь особенное». Строкой ниже: «Он сделал выговор за то, что Ему своевременно об этом на сообщили»*.

Как видим, «Друг» не только просит, но и требует сведений.

Несколько ранее Николай посылает из Ставки своей супруге целое оперативное донесение об обстановке на фронте, в котором содержатся секретнейшие сведения. «Теперь, — пишет Верховный главнокомандующий, несколько слов о военном положении: оно представляется угрожающим в направлении Двинска и Вильны, серьезным в середине к Барановичам... Серьезность заключается в страшно слабом состоянии наших полков, насчитывающих менее четверти своего состава; раньше месяца их нельзя пополнить... а бои продолжаются и вместе с ними потери». И далее — там же: «Тем не менее прилагаются большие старания к тому, чтобы привезти какие возможно резервы из других мест к Двинску... Вместе с тем на наши железные дороги уже нельзя полагаться, как прежде. Только к 10 или 12 сентября будет закончено наше сосредоточение, если, боже упаси, неприятель не явится туда раньше нас»**.

К концу послания автор деликатно приписывает: «Прошу, любовь моя, не сообщай этих деталей никому, я написал их только тебе». Уже одно то, что он оговорил такое условие, предполагает, что нераспространение подобных сведений не было для его адресата чем-то само собой разумеющимся. К тому же Распутин под это условие не подпал, и из ответного письма царицы явствует, что тот с этими данными сразу же и ознакомился. Тем не менее Николай продолжает снабжать супругу сверхсекретными военными отчетами.

«Несколько дней тому назад, — пишет он в другой раз, — мы с Алексеевым решили не наступать на севере, но напрячь все усилия немного южнее». Он и тут как будто спохватывается: «Но, прошу тебя, никому об этом не говори, даже нашему Другу. Никто не должен об этом знать»***.

Спустя два дня он снова просит супругу обращаться осторожно с военными тайнами. Однако действенностью своих предупреждений не интересуется, ответные сообщения жены о военных консультациях с «Другом» принимает равнодушно. А вскоре — снова: «Теперь на фронте временное затишье, которое прекратится только числа 7-го; гвардия тоже должна принять участие, потому что пора прорвать неприятель-

* Письмо царицы к Николаю II от 22 декабря 1915 года.

** Письмо Николая II к царице от 31 августа 1915 года.

*** Письмо Николая II к царице от 5 июня 1916 года.

скую линию и взять Ковель»*. А затем сообщает жене факт, который уж никак нельзя было доверять бумаге: «Завтра начинается наше второе наступление вдоль всего брусиловского фронта. Гвардия продвигается к Ковелю»**. На этот раз и оговорки о секретности нет; из ответных писем царицы видно, что она и эту информацию передала Распутину.

Александра Федоровна сообщает Николаю: «Он (Хвостов. — М. К.) привез мне секретные маршруты, и я никому ни слова об этом не скажу, только нашему Другу»***. Позднее, перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства, С. П. Белецкий засвидетельствовал, что «немцы знали маршруты и время прохождения особо важных поездов и на фронт, и в прифронтовой полосе».

Но бывало и так, что Николай вдруг становился несловоохотливым, возможно, под нажимом осторожного Алексеева. Тогда царица напрямик ставит вопросы, интересующие старца, она и не скрывает, кем информация заказана, для кого она сведения собирает.

«Дорогой мой ангел, я очень хотела бы задать тебе много-много вопросов, касающихся твоих планов относительно Румынии. Все это крайне интересует нашего Друга»****. Позднее: «А теперь совершенно конфиденциально: если в тот момент, когда начнется наше наступление, немцы через Румынию нанесут удар в наш тыл, какими силами тыл будет прикрываться?.. И если немцы пробьются через Румынию и обрушатся на наш левый фланг, какие будут силы, способные защитить нашу границу?.. А какие существуют у нас теперь на Кавказе планы после того, как взят Эрзерум?.. Извини меня, если надоедаю тебе, но такие вопросы как-то сами собой лезут в голову»*****.

И после всех этих вопросов, которые трудно представить себе «само собой лезущими в голову», вопрос, который и подавно вряд ли могло родить ее собственное воображение:

«Интересно знать, годится ли в дело новая противогазная маска Алека?»^{6*}

После Февральской революции в дворцовом тайнике была найдена секретная карта военных действий. Находка потрясла даже таких рьяных прислужников монархии, как Алексеев и Деникин. Последний в своих парижских мемуарах писал: «Правильной ли была народная

* То же, от 2 июля 1916 года.

** То же, от 14 июля 1916 года.

*** Письмо царицы к Николаю II от 3 ноября 1915 года.

**** То же, от 7 ноября 1915 года.

***** То же, от 4 февраля 1916 года.

^{6*} Письмо царицы к Николаю II от 4 февраля 1916 года.

молва, обвинявшая царицу в измене? Генерал Алексеев, которому я задал этот мучительный вопрос весной 1917 года, ответил мне как-то неопределенно и нехотя:

— При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась всего в двух экземплярах — для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею.

И переменял разговор».

За полтора года (1915–1916) Александра Федоровна передала Николаю в Могилев до ста пятидесяти рекомендаций, предупреждений и прямых требований Распутина.

Он — божий человек. Его устами глаголет высшая, неземная сила. Сомневаться в его указаниях, тем паче оспаривать их — тяжкий грех. Его должен слушаться сам император, которому, кстати, монархическая пропаганда создает ореол стратега, равного коему Россия в своей истории еще не знала.

Царица внушает Николаю:

«Слушайся нашего Друга, верь Ему»... «Бог недаром послал Его нам, только мы должны больше обращать внимание на Его слова, они не говорят на ветер. Как важно для нас иметь не только Его молитвы, но и советы». «Думай больше о Григории, мой дорогой... Каждый раз, когда ты стоишь перед трудным решением, проси Его походатайствовать за тебя перед богом, дабы бог наставил тебя на путь истинный»... «Не слушайся других, слушайся только нашего Друга»... «Когда Он советует воздержаться от какого-либо действия и Его не слушаются, позднее всегда убеждаются, что Он был прав»... «Григорий просил этого не делать — все делается наперекор Его желаниям, и мое сердце обливается кровью от страха и тревоги»... «Надо делать всегда то, что Он говорит, Его слово имеет глубокое значение»... «Наш друг за тебя, значит, все будет хорошо»... «Я знаю, что будет фатальным для нас и для страны, если Его желания не будут исполняться»... «Кто не выказывает послушания божьему человеку, не может ни в чем преуспеть, и мысли его не могут быть правильными»*.

Мнение, высказанное старцем со ссылкой на сновидение, приобретает силу почти закона. Исполнено таинственного смысла в божьем человеке и всякое другое: икота, хрипота или даже обыкновенный кашель.

«Григорий кашляет и волнуется в связи с положением вокруг греческого вопроса... Он очень встревожен и просит тебя (в связи с создавшимся положением) послать телеграмму сербскому королю;

* Из писем царицы к Николаю II в 1915 году.

к существу же дела прилагаю Его бумажку, по которой ты и составишь свою телеграмму: смысл ее изложи своими словами» *.

Полтора десятка лет учился Николай Александрович у виднейших профессоров империи, а теперь вот приходится ему принять к руководству распутинские каракули, и все, что от него, полковника и просвещенного европейца, в сем случае требуется, это «своими словами» изложить их смысл...

Предпринята попытка прорвать линию обороны противника на Варшавском направлении. Войска в наступлении. Узнав об этом (из письма Николая к царице), старец негодует: почему его не спросились? Как так не согласовали с ним операции? Царица спешит доложить: «Он выражает свою скорбь по поводу того, что начали это движение, не запросив его мнения. Он говорит, что нужно было подождать. Ведь он постоянно молится и при этом обдумывает, какой момент был бы самым подходящим, чтобы нашим войскам без лишних потерь перейти в такое наступление».

Если положиться на него, Григория Ефимовича, он не только скажет, когда наступать, но, со своей стороны, бросит на чашу весов некоторые реальные средства для успеха. Например: до него дошло, что операции затрудняются плохой видимостью из-за густых туманов. «Она (Вырубова. — М. К.) сказала Ему о туманах. Он сказал, что отныне туманы мешать войскам больше не будут» **.

Несколько ранее Александра Федоровна со ссылкой на рекомендацию старца писала в Могилев: «Неужели это правда, что наши войска снова находятся в 200 верстах от Львова? Нужно ли нам так торопиться вперед, может быть, лучше было бы повернуться и таким образом раздавить противника?» ***

Именно так: «повернуться»...

Не всегда удается царице скрыть свое истинное отношение к противникам кайзеровской Германии. Мстительной злобой пронизаны строки ее писем, касающихся, например, отчаянного сопротивления сербов натиску превосходящих сил австро-германской коалиции. «Я узнала, что сербы эвакуировали Цетинье и что их армия попала в окружение. Ну вот, теперь сербский король, его сыновья и черные дочери, которые столь безумно жаждали этой войны, несут расплату за свои прегрешения перед богом и тобою, ибо они посмели восстать на нашего Друга, хотя отлично знали, кто он такой. Господь бог мстит за себя» ****.

* Письмо царицы к Николаю II от 6 ноября 1915 года.

** То же, от 22 декабря 1915 года.

*** То же, от 12 сентября 1915 года.

**** Письмо царицы к Николаю II от 5 января 1916 года.

И Николай в ответном письме никак не осуждает царицу за эти злобные нападки на маленькую страну — союзницу России. Царь равнодушно принимает недвусмысленный намек на то, что Вильгельм и Франц-Иосиф невиновны в развязывании мировой войны.

Не дремал стратегический ум Григория Ефимовича и в дни летнего наступления 1916 года.

Операция только начинается, а царица уже пишет Николаю: «Наш Друг шлет благословение христоробивому воинству... Он просит тебя не слишком настойчиво продвигаться в северном направлении. Если, говорит он, мы будем пробиваться в южном направлении, противник и сам начнет отступать на севере, а может быть, он там перейдет и в наступление, что будет стоить ему тяжелых потерь, если же наступать будем мы, то большие потери придется нести нам... Вот о чем он хочет тебя предостеречь»...^{*} Одним словом, он просит по возможности не досаждать несчастным немцам, пусть наступают или отступают, как хотят, все равно не миновать им «тяжелых потерь», им же в любом случае будет хуже.

Наступление в разгаре. Александра Федоровна — Николаю в Ставку: «Он (Распутин. — М. К.) считает, что было бы целесообразно не слишком настойчиво наступать... Мы должны быть терпеливыми, нам незачем форсировать свои действия, мы все равно в конце концов получим все. Можно вести наступление очертя голову и в два месяца закончить войну, но в таком случае будут принесены в жертву тысячи людей, если же проявить терпение, тоже дойдешь до цели, не пролив при этом так много крови»^{**}. Гуманист с Гороховой рекомендует взять немцев «терпением», не соблазняясь им же измышленной возможностью выиграть войну в два месяца; и все это нужно ему только для того, чтобы, затормозив операции в северной зоне фронта, сделать то же в западной.

После того как Григорий Ефимович столь эффективно попридержал север и запад, ему уже не надо и юго-запада. О чем Александра Федоровна своевременно ставит в известность царя: «Наш Друг надеется, что мы не станем переходить через Карпаты и даже не сделаем попытки ими овладеть»^{***}.

Но солдаты Брусилова идут вперед, и царица вместе с ее консультантом вновь сильно расстроены, даже негодуют:

«Ах, душа моя, наш Друг совершенно вне себя от того, что Брусилов не повиновался твоему приказу о прекращении наступления. Он говорит, что этот твой приказ, как и решение воздержаться от перехода

* То же, от 4 июня 1916 года.

** То же, от 25 июля 1916 года.

*** Письмо царицы к Николаю II от 8 августа 1916 года.

через Карпаты, вдохновлены волей всевышнего, что все это благословил сам господь бог» *.

А на следующий день — снова:

«О, прошу тебя, повтори свой приказ Брусилову, пусть он приостановит эту бессмысленную трату сил. Твои планы были преисполнены мудрости, не напрасно же они одобрены нашим Другом. Придерживайся этого и впредь. Наступательные действия опасны... Пространства открытые, укрыться невозможно, лесов мало, да и в тех скоро опадет листва, спасительных убежищ для наступающих нигде не будет. Придется людям идти в обход болот, где стоит такой ужасный запах... Замыслы твои освящены самим господом богом, пусть же они и будут выполнены до конца» **. И потом — снова:

«Ах, мой родной, зачем они (то есть солдаты Брусилова. — *М. К.*) лезут и лезут, как будто на стену, пусть лучше выждут удачного момента, не давай им идти вперед и вперед» ...***

Когда британский посол Бьюкенен пришел поздравить царя с новым, 1917 годом, прибавив к поздравлению несколько приличествующих слов о доверии народа, Николай сказал:

— Вы говорите мне, дорогой посол, о доверии народа ко мне. Не следовало ли бы скорее моему народу позаботиться о моем к нему доверии?****

В один из весенних дней 1917 года, когда столь скупой на доверие к своему народу Николай сидел под стражей в Александровском дворце, фронтовая газета писала:

«Мы теперь узнали, что в России существовала крупная немецкая партия. Она опиралась на государыню, которая не могла забыть, что русский народ ведет войну с Германией, где ее братья и родственники. Немецкая партия хотела поражения России, мешала русской армии делать свое дело. Обнаружено, что эта партия находилась в сношениях с германским штабом и выдавала военные тайны. Все подробности выяснятся на суде, которым будут судить предателей. Суд будет гласный, справедливый. Будем ждать» *****.

Напрасно ждали этого суда солдаты. Временному правительству было не до того — оно занято было подготовкой бегства Романовых за границу. Но общественности была брошена подачка в виде комиссии

* То же, от 24 сентября 1916 года.

** Письмо царицы к Николаю II от 25 сентября 1916 года.

*** То же, от 12 октября 1916 года.

**** *Victor Alexandrov. The end of the Romanovs. Little and Brown, Boston–Toronto, 1966, p. 123. Далее в сносках «Victor Alexandrov, p.».*

***** Вестник Кавказской армии. 1917, 29 марта.

по расследованию преступлений царизма. Позднее же, в эмиграции, бывший сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства В. М. Руднев отрещивался даже от тех скудных выводов, к которым пришли он и его коллеги по комиссии летом семнадцатого года. Тогда, по его словам, он «перегнул». Предосудительных антигосударственных деяний за Романовыми он не заметил*.

Первый премьер Временного правительства князь Г. Е. Львов 6 июня 1921 года в Париже показал:

«Работы Следственной комиссии не были закончены. Но один из главных вопросов, волновавший общество и заключающийся в подозрении, что царь под влиянием супруги, немки по крови, готов был к сепаратному соглашению с врагом — Германией, разрешился. Керенский делал доклады правительству и совершенно определенно утверждал, что невиновность царя и царицы в этом отношении установлены»**.

П. Н. Переверзев 8 июля 1921 года в Париже показал:

«Я был в курсе работ Чрезвычайной комиссии, где председательствовал Муравьев. Я удостоверяю, что Муравьев несколько раз приходил ко мне с докладами по вопросу о вине царя. Муравьев находил его виновным единственно в том, что он по докладам Щегловитова прекращал разные дела, на что он не имел права даже по той конституции, которая существовала в России до революции, так как это право не принадлежит монарху даже самодержавному, имеющему право лишь помилования, но не прекращения дел. О его виновности в измене России, в смысле готовности заключить сепаратный мир с Германией, ни разу не было речи»***.

А. Ф. Керенский 14 августа 1920 года в Париже показал:

«Я убежден, что Николай II сам лично не стремился к сепаратному миру... Я убежден в этом в результате не только работы комиссии, но и в наблюдении его за период его заключения в Царском Селе... Он сам, он один, он, Николай II, не был изменником... Я в этом глубоко уверен»****.

Однако в том же Соколовском протоколе можно обнаружить и такие строки показаний, данных тем же Александром Федоровичем:

«Я считаю должным установить следующий факт. В документах (в Царском Селе) было обнаружено письмо императора Вильгельма

* Руднев В. М. Правда о царской семье и «темных силах». С предисловием Б. Гаранина и Н. Тальберга. Берлин, 1920.

** Соколов. С. 68–70. Показания Г. К. Львова, бывшего главы Временного правительства.

*** Соколов. С. 68–70. Показания П. Н. Переверзева, бывшего заместителя министра юстиции во Временном правительстве.

**** Там же.

к Государю, в котором Вильгельм на немецком языке предлагал заключить сепаратный мир. Был обнаружен ответ на это письмо, оказавшийся в виде отпуска (то есть копии. — *М. К.*) в бумагах. По поручению Николая кем-то (положительно не могу вспомнить, кем именно) по-французски было сообщено Вильгельму, что государь не желает отвечать на его письма. Этот факт известен был и Следственной комиссии... Он имел место в 1916 году»*.

Выходит, сношения с Вильгельмом все же были: он пишет по-немецки, ему отвечают по-французски. Вот только кто именно посредничал, через кого шла связь, кто делал «отпуски» и был посвящен в содержание переписки с Вильгельмом — этого Керенский всего лишь через три года положительно не мог вспомнить, хотя куда более обширные данные извлекал из своей памяти и через пятьдесят лет.

Немаловажная деталь. Романовы, оказавшись после Февраля 1917 года в Александровском дворце на положении арестованных, принялись жечь бумаги в каминах и печах. Видели это все, в том числе, конечно, и министр юстиции Керенский, отвечавший за арестный режим во дворце. Не мог не заметить, но и не попытался воспрепятствовать. Обратились в пепел пуды документов, о чем свидетельствовали очевидцы-придворные. В наши дни об этом пишут бывшие белогвардейцы, обратившиеся в знатных советологов.

«С помощью дорогой Анны (Анны Вырубовой) Александра занялась делом чрезвычайной важности — она принялась сжигать всю свою личную переписку, все письма Распутина, все свои дневники. Более десяти ящиков ценнейших документов, могущих, как никакие другие, пролить свет на взаимоотношения императрицы с ее «кликкой», в ту ночь превратились в дым»**.

Были сожжены многочисленные оригиналы совместных и отдельных обращений к Романовым их германских родственников, включая кронпринца и великого герцога гессенского. Лишь одно из этих обращений по копии, добытой из боннских архивов, предал огласке Хаффнер. «Я считаю, — писал сын Вильгельма II герцогу гессенскому для передачи своей петроградской кузине, — что нам совершенно необходимо заключить с Россией мир». С какой целью? «Во-первых, слишком глупо, что мы терзаем друг друга». Во-вторых, «если мы оттуда (из России) оттянем наши военные силы, то получим возможность рассчитаться с французами». И деловое предложение: «Не можешь ли ты связаться

* Соколов. С. 68–70. Показания П. Н. Переверзева, бывшего заместителя министра юстиции во Временном правительстве.

** Victor Alexandrov, p. 141.

с Ники и посоветовать ему столкнуться с нами по-хорошему... Только пусть вышвырнет вон это дерьмо — Николая Николаевича»*.

Созвучно последнему пожеланию, выраженному в столь изящном, типично гогенцоллернском стиле, Николая Николаевича, как известно, вышвырнули. Несколько раньше было доведено до сведения царя и предложение «столкнуться по-хорошему». Правда, в то же время Николай II заверяет антантовских послов в своей верности союзу. На приеме в Царском Селе по случаю наступления нового 1915 года он подзывает к себе Палеолога: «Господин посол, распространяют слух, будто я пал духом и не верю в возможность сокрушить Германию... якобы я намерен вести переговоры о мире. Эти слухи распространяют германские агенты. Все, что они придумывают, не имеет значения. Надо считаться только с моей волей. Вы можете быть уверены, что она не изменится»**.

А в первой половине марта 1915 года с тайной миссией от кронпринца выезжает из Копенгагена в Петроград его агент-посредник, датский дипломат Андерсен. И вслед за Андерсеном в дело ввязывается шведский посланник в Петрограде, что и зафиксировано 28 марта того же года в секретной, так называемой поденной записи русского Министерства иностранных дел:

«20 марта шведский посланник привез барону Шиллингу (советник МИД) полученный им из Стокгольма пакет, заключающий в себе письмо на имя государыни императрицы от М. А. Васильчиковой. Как оказалось, в это письмо было вложено другое, также от Васильчиковой, на имя государя, который 28 марта переслал таковое министру иностранных дел)***.

Тут же запись проливает свет на личность и миссию Васильчиковой: «Оставшаяся во время войны в своей вилле Клейн-Вартенштайн в Земмеринге в Австрии, она теперь пишет его величеству, что ее посетили три влиятельных лица (два немца и один австриец). Указав на тяжелое положение, в котором очутились Германия и Австрия, эти лица просили ее обратиться к государю императору, миролюбие которого общеизвестно, и умолить его прекратить губительную войну, ввиду того что в Германии и Австрии уже вполне убедились в силе русского оружия. В случае благосклонного отношения его величества к этому ходатайству уполномоченные от Австрии, Германии и России могли бы съехаться где-нибудь в нейтральном государстве, причем

* *Sebastian Haffner*. Der Teufelspakt. "Stern", 1967, No 42 (15/X), S. 60–78.

** *Maurice Paleologue*. Alexandra Feodorovna. Berlin-Wien-Zurich, 1932. S. 112.

*** Страницы былого. М.; П., 1918–1919. С. 79.

Россия могла бы рассчитывать на весьма примирительное отношение к ее пожеланиям»*.

Письмо, упоминаемое в поденной записи Министерства иностранных дел, было написано фрейлиной княгиней Васильчиковой 25 февраля 1915 года. По просьбе тех же визитеров она написала царю еще дважды: 30 марта и 30 мая. Тайну его ответов, видимо, поглотила куча золы в топке царскосельского дворца.

Такой обмен идеями был сопряжен для Романовых с большой опасностью, поэтому они конфиденциально вызывают блудную даму Васильчикову домой. Васильчикова лично доставляет Романовым пачку писем от кронпринца, от баварских и гессенских принцев и принцесс.

Но еще до ее появления Александра Федоровна сообщает в ставку супругу:

«Я получила длинное милое письмо от Эрни. Он пишет: если кто-нибудь может понять его (то есть тебя) и представить себе его переживания, то это я. Он крепко тебя целует... Он хотел бы найти выход из ситуации и полагает, что кому-нибудь следовало бы приступить к наведению моста для переговоров. У него возник план: неофициально направить в Стокгольм доверенного, который там встретился бы с человеком, столь же частным путем присланным тобою, и вместе они разрешили бы преходящие затруднения. План его исходит из того, что в Германии не питают действительной ненависти к России. Два дня тому назад он распорядился послать туда (в Стокгольм. — *М. К.*) к 28-му одно лицо, которому сказано пробыть там с неделю... Я немедленно написала ответ и через Дэзи послала этому господину. Я сообщила ему, что ты еще не возвратился... Конечно, В. обо всем этом абсолютно ничего не знает. Эрни пишет, что они (немцы. — *М. К.*) стоят во Франции, а также на юге и в Карпатах прочной стеной. Они утверждают, что уже захватили 500 тысяч наших пленных. В общем все письмо милое и любезное. Оно доставило мне большую радость»**.

Эрни — родной брат царицы Эрнст Людвиг Гессенский, великий герцог; Дэзи — шведская наследная принцесса Маргарет, приятельница Александры Федоровны; за инициалом «В» укрыт Вильгельм II. Он, конечно, «ничего не знает». Словно Эрни хотя бы в мыслях мог позволить себе такую вольность, как организация тайных переговоров с царем о мире, не получив на подобную миссию полномочий от кайзера.

Документальными исследованиями советского историка К. Ф. Шацилло установлено, что весной 1915 года с ведома и личного согласия

* Страницы былого. М.; Пг., 1918–1919. С. 80.

** Письмо царицы к Николаю II от 17 апреля 1915 года.

Николая II был послан в Германию специальный агент для переговоров с немцами. Им был В. Д. Думбадзе, племянник ялтинского градоначальника генерала Н. А. Думбадзе. Он пробыл в Германии с 24 мая по 11 июня 1915 года, встречался с видными представителями кайзеровского правительства, немецкой разведки (в частности, с пресловутым Люциусом), вел с ними переговоры, о чем по возвращении официально доложил рапортом начальнику Генерального штаба генералу М. А. Беляеву. Позднее В. Д. Думбадзе в связи с делом Сухомлинова был привлечен к уголовной ответственности и приговорен к смертной казни. Николай II постеснялся полностью реабилитировать своего посланца и «милостиво» заменил казнь 20 годами каторги. Так закончилась попытка установления непосредственного контакта между правящими кругами царской России и кайзеровской Германии весной 1915 года*.

В дальнейшем эти попытки возобновятся. Кто потом ездил из Петрограда за границу по этим темным делам, с кем встречался в Стокгольме и Берлине — об этом шпрингеровские и демохристианские публицисты умалчивают по сей день. Царскосельская же документация, как сказано, стала золой в каминах. Не исключено, что эмиссар кронпринца просидел в Стокгольме напрасно. Потому что, учув неладное, подняли шум в прессе и Думе проантантовские политики. Со своей стороны ощутили, видимо, и Романовы, что играют с огнем. Что и показала Александра Федоровна в следующих строках, обращенных к супругу:

«Миша Бенк сказал у Павла, что Маша является передатчицей писем от Эрни к нам. А. сказала, что ничего не знает. Павел же утверждал, что сказанное Мишей — правда. Кто же Павлу все это рассказал?.. В прессе опубликовано письмо к Маше от княгини Голицыной, ужасное письмо, в котором Маша обвиняется в шпионаже и прочих преступлениях, но я этому по-прежнему не верю, хотя и считаю, что она (Васильчикова. — М. К.) поступила во многом необдуманно и, опасаясь, из жадности к деньгам. И вместе с тем как мне неприятно, что мое имя опять упоминается рядом с именем Эрни»**.

Маша — все та же неугомонная Васильчикова; А. — Вырубова, Бенк — Бенкендорф, царедворец, Павел — великий князь.

В летние дни 1915 года в очередном письме в Могилев царица жалуется:

«Мария Васильчикова поселилась со своей семьей в зеленом угловом доме и оттуда, из окна, как кошка, следит за всеми, кто входит и вы-

* Шацлло К. Ф. К попыткам сепаратных переговоров во время первой мировой войны (март-май 1915 года) // Вопросы истории. 1970. № 9.

** Письмо царицы к Николаю II от 5 января 1916 года.

ходит из нашего дома... Изу (фрейлину Буксгевден. — *М. К.*) она извела расспросами: почему дети вышли из ворот пешком, а в другой день выехали из других ворот на велосипедах; почему утром офицер вышел в мундире и с портфелем, а вечером появился в другой одежде, и т. д. Она рассказала графине Фред. (Фредерикс. — *М. К.*), что видела, как к дворцу подъезжал Гр. (Григорий. — *М. К.*), — как это отвратительно! Чтобы наказать ее, мы сегодня пошли к А. (Вырубовой. — *М. К.*) окольной дорогой, так что она и не увидела, как мы вышли»*.

В конце концов царскосельские гороховые пальто сняли вышеупомянутую Машу с подоконника и препроводили в Черниговскую губернию, а потом переместили и подальше — в зону вечной мерзлоты. После Февраля ей удалось бежать с Крайнего Севера через Финляндию в Швецию, а в 1918 году она вновь появилась в своей вилле в Земмеринте. Личный крах зарвавшейся Маши, однако, не был еще концом ее дела.

В премьерство Б. В. Штюрмера, выдвинутого Распутиным, германфильской группе удалось довести дело до фактического открытия в Стокгольме тайных русско-германских переговоров. Кайзера представлял банкир граф фон Варбург, Николая II — А. Д. Протопопов (прикрылся участием в парламентской делегации, приглашенной в Англию; «проездом» задержался в шведской столице, якобы по личным делам).

Можно ли, однако, сказать, что Распутин был германским агентом в прямом и непосредственном смысле этого слова?

За 50 с лишним лет этот вопрос задавался не раз, и отвечали на него по-разному.

Бывший глава Временного правительства утверждал:

«Что Распутин лично был немецкий агент или, правильнее сказать, что он был тем лицом, около которого работали не только германофилы, но и немецкие агенты, это для меня не подлежит сомнению»**.

Бывший кадетский лидер В. А. Маклаков:

«Хвостов в бытность свою министром внутренних дел рассказал мне: он учредил наблюдение за Распутиным, и для него было совершенно ясно, что Распутин окружен людьми, которых подозревали как немецких агентов... Хвостов счел своим долгом доложить об этом государю, и это было причиной его опалы и отставки»***.

Бывший лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков:

«Если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей армии руководил германский генеральный штаб, он не делал бы ничего другого,

* То же, от 14 июня 1915 года.

** Соколов. С. 80.

*** Там же. С. 79.

кроме того, что сделала русская правительственная власть, вдохновляемая Распутиным»*.

Неназванное лицо, участвовавшее в наблюдениях контрразведки за квартирой Распутина:

«Тогда для меня и стало ясно, что его квартира на Гороховой, 64, — это то место, где немцы через свою агентуру получают нужные им сведения»**.

Мнение же, высказанное еще в двадцатых годах советским историком М. Н. Покровским, таково: не столь уж существенно, брал ли Распутин от немцев деньги или не брал, был он агентом «сознательным» или «бессознательным». Весьма вероятно, что он, имея доступ к кошельку Романовых, самой богатой семьи в России, мог и не польститься на деньги германской разведки. Будучи по-своему верен Романовым, Распутин мог, им в угоду, продать и предать кого угодно: Антанту, кайзера или свою страну. Радея за Романовых, действуя вместе с ними, за них и от их имени, он под их эгидой торговал и промышлял всем, что могло обернуться и для династии, и для него самого личной выгодой и прибылью в прямом и переносном смысле этого слова.

Для них, для своих патронов, он усердствовал вовсю. До последнего дня жизни не прекращал он свою бурную деятельность, рассыпая направо и налево директивы и указания, обстреливая различные адреса записками и телеграммами***.

В. Н. Воейкову:

«Генералу Фаеякову вот дорогой без привычки даже каша и та не сладка а не только Пуришкевич с бранными устами теперь таких ос расплодилось миллионы так вот и поверь как касается души а надо быть сплоченными друзьями хоть маленький кружок да единомышленники а их много да разбросаны силы не возьмет в них злоба а в нас дух правды Григорий Новых».

Царице:

«О письме Калинин приедет сам расскажет и многова расскажет Григорий Новый».

Царю:

«Твердость стопа божия против немцев не наступайте держись румынского фронта оттуда слава воссияет господь укрепит оружие молюсь горячо Григорий».

* Блок. С. 19.

** Соколов. С. 80.

*** Из документации ЦГАОР в Москве, а также из архивных и литературных публикаций разных лет. В том числе, в частности: Телеграммы Григория Распутина // Былое. 1917. № 5–6 (27–28). С. 228–230.

Ему же:

«Очень кротко и ласково беседовал с Калининским умоляет чтобы ему никто не мешал также контрразведка пуцай ведет свое дело ласково беседовали об узнике по христиански...* дай власть одному чтобы работал разумом».

Ему же (в ответ на запрос):

«Вставку ево величеству пуцай Григорий».

Все эти и другие подобные им телеграммы Распутина прошли тогда через руки Б. В. Похвиснева, бывшего министра почт и телеграфа с 1913 по 1917 год. В эмиграции он показывал:

«По установившемся порядку все телеграммы, подававшиеся на имя государя и государыни, представлялись мне в копиях. Поэтому они все были мне известны. Их было очень много... Громадное влияние Распутина у государя и государыни содержанием телеграмм устанавливается с полной очевидностью». По существу же этой корреспонденции Похвиснев показал: «Все эти телеграммы всегда заключали в себе элемент религиозный и своей туманностью, каким-то сумбуром и хаосом всегда порождали при чтении их тягостное чувство чего-то психопатологического. В то же время они были затемнены условными выражениями, понятными только адресатам»**.

До конца пребывания в звании императрицы не ослабляет свою бурную деятельность и Александра Федоровна.

На протяжении 23 лет и до минуты краха пронизывает эту деятельность истерия — политическая, религиозная и будничная, бытовая.

Истеричны и страх ее, и радость, и горечь, и любовь. Почти ни в чем не знает она золотой середины сдержанности и трезвого суждения. Крайностями всегда были ее и «да» и «нет». И дружба, и вражда ее — пароксизм. Даже супруг как-то заинтересовался ее состоянием и попросил дворцового доктора Фишера представить справку на сей предмет. Она нашла справку в столе мужа и выгнала незадачливого доктора вон.

Надвигающуюся угрозу революции Александра Федоровна пытается приостановить заклинаниями и проклятиями в типичном для дармштадтских бюргеров духе презрения к «славянскому быдлу»***.

«Дорогой, — пишет она Николаю в канун февральского переворота, — будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским... Дай им теперь почувствовать твой кулак. Они сами просят этого — сколь

* «Узник» — Д. Л. Рубинштейн.

** Соколов. С. 80.

*** Нижеприводимые выдержки — из писем царицы к Николаю II за 1915/1916 — начало 1917 года.

многие недавно говорили мне: нам нужен кнут. Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, даже жестокость и вместе с тем горячая любовь». Далее гессенская специалистка по секретам славянской природы поучает супруга: «Я слишком хорошо знаю, как ведут себя ревущие толпы, когда ты находишься близко. Они еще боятся тебя. Они должны бояться тебя еще больше, так, чтобы, где бы ты ни был, их охватывала бы все та же дрожь».

В своем дармштадтском стиле характеризует она и политиков, даже тех из них, кто относился к ней неплохо:

«В Думе все дураки»; «В Ставке сплошь идиоты»; «В синоде одни только животные»; «Министры-мерзавцы»; «Дипломатов наших надо перевешать»; «Разгони всех, назначь Горемыкину новых министров... Прошу тебя, дружок, сделай это поскорее...»; «Только поскорей закрой Думу, прежде чем будут представлены их запросы»; «Газеты всем недовольны, черт бы их побрал»; «Думу надо прихлопнуть»; «Заставь их дрожать»; «Все они должны научиться дрожать перед тобой»; «Когда же ты, наконец,хватишь рукой по столу и накричишь?»; «Тебя должны бояться»; «покажи, что ты хозяин»; «Ты владыка, ты хозяин в России, помни это»; «Мы не конституционное государство, слава богу»; «Будь львом в борьбе против маленькой кучки негодяев и республиканцев»; «Будь Петром Великим, Иваном Грозным и Павлом Первым, сокруши их всех»; «Будь решительным и более самодержавным, показывай свой кулак там, где это необходимо»; «Докажи, что ты один властелин и обладаешь сильной волей»; «Будь строгим, это необходимо, они должны слышать твой голос и видеть недовольство в твоих глазах»; «Они должны, они должны дрожать перед тобой, иначе все будут на нас наседать, и надо теперь же положить этому конец»; «Довольно, мой дорогой, не заставляй меня попусту тратить слова»...

Вообще-то она не возражает, чтобы супруг уступал, но только двоим: ей и Григорию Ефимовичу. Из остальных ни один этого не заслуживает, потому что:

«Сазонов — дурак»; «Воейков — трус и дурак»; «Посол Демидов совершенный дурак»; «Самарин — настоящий дурак»; «Все министры — сплошь дураки»; «Я надеюсь, что Кедринского (то есть Керенского. — М. К.) из Думы повесят за его ужасную речь — это необходимо, и это было бы хорошим примером»; «Спокойно и с чистой совестью я сослала бы Львова в Сибирь»; «Я отняла бы чин у Самарина», «Милюкова, Гучкова и Поливанова — всех их надо тоже в Сибирь».

Раз зачислив Гучкова в революционеры, она с тех пор рвет и мечет при одном упоминании его имени. «Гучков — это скотина, хотя и умная, он начинает всякими мерзостями Алексева»; «Как отвратительно, что

Гучков, Рябушинский, Вайнштейн, Лазарев и Жуковский избраны этими мерзавцами в Государственный совет». Однажды она спешит порадовать супруга светлой весточкой: «Гучков очень болен; желаю ему отправиться на тот свет». Увы, вскоре выяснилось, что Гучков на тот свет не собирается, какое разочарование: «Гучков поправляется». Ее комментарий: «По совести должна тебе сказать, мой ангел: выздоровление Гучкова — к нашему несчастью». Затем: «Правда ли, что собираются послать к тебе Гучкова и других с делегацией от Москвы? Тяжелая железнодорожная авария, в которой пострадал бы он один, была бы заслуженным божьим наказанием»; «Конечно, отделаться от Гучкова надо, но только как, вот в чем вопрос. Теперь военное время — нельзя ли придаться к чему-нибудь такому, на основании чего можно было бы его засадить?»; «Гучкову место на суку высокого дерева»; «Ах, если бы только можно было повесить Гучкова!»

Это была истинная дочь дармштадтского бюргерства: поведав мужу в очередном письме свою заветную мечту о повешении Гучкова, она вместе с Вырубовой пробирается инкогнито в ресторан Ивана Ивановича Чванова на Петроградской стороне и вновь, как в первые дни царствования, слушает в исполнении румынского скрипача чувствительный романс и, пряча руки в муфту, заливается слезами под темной вуалью.

Накатывала в ресторанах меланхолия и на ее «Друга». Но этот и в такие минуты чуждался сантиментов, а больше соображал, что бы еще такое предпринять по государственно-политической части. В первых числах декабря 1916 года, например, Распутин узнал, что устранения Протопопова из правительства требует Государственный Совет. На этот раз старец считает нужным перейти с языка заумно-божественного на суконно-канцелярский. Уединившись в кабинете ресторана «Медведь», за бутылкой мадеры Распутин и Протопопов составляют на имя царя телеграмму-иносказание:

«Не соглашайтесь на увольнение директора-распорядителя. После этой уступки потребуют увольнения всего правления. Тогда погибнет акционерное общество и потеряет должность даже его главный акционер»*.

Телеграфная аллегория оказалась пророческой. Не прошло и трех месяцев, как «главный акционер» потерял должность. Одновременно прекратило свое существование и возглавлявшееся им «акционерное общество» под двуглавым орлом.

<...>

* Соколов. С. 80.

Отречение

Могилев. 1916 год. Сумрачное декабрьское утро.

В штабном конференц-зале при горящих канделябрах заседает военный совет. Генералы, под председательством Алексеева, обсуждают план предстоящей весенне-летней кампании 1917 года.

Царь внимательно следит за выступлениями, иногда вставляет реплику или вопрос, попыхивает сигареткой. Внезапно вырастает в дверях плотная фигура коменданта Воейкова. Минута колебания, затем комендант решительно пробирается по генеральским рядам к столу и, подойдя к верховному главнокомандующему, подает ему телеграмму с пометой: «Из Царского Села».

Николай читает, лицо его багровеет. Убит Распутин... Тон сообщения истеричный: «Нашли в воде. Молитвы, мысли вместе. Да смилуется над нами бог. Александра». Царь в смятении встает и выходит, ни с кем не попрощавшись. Велит Воейкову приготовить поезд. Маршрут: Могилев — Царское Село.

Еще до отъезда он узнает из параллельной информации, поступившей к Алексееву от шефа охранного отделения Глобачева, подробности.

Старец убит в ночь с 16 (29) на 17 (30) декабря во дворце князя Юсупова на Мойке. Участники убийства: Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович (начальник охраны пока не знает, что были еще двое участников: поручик А. С. Сухотин и военный врач С. С. Лазаверт).

Убитого вывезли ночью на Малую Невку и сбросили с моста. Водолазы обшарили речное дно близ Петровского моста и ничего не нашли, но случайно один из городских заметил мерзший ко льду рукав распутинской бобровой шубы. Труп вытащили, внесли в сарай на берегу реки и покрыли рогожей, затем переправили в Чесменскую часовню, что на пути из Петрограда в Царское Село.

Дочери Распутина Матрена и Варвара и жених последней подпоручик Нукзал Папхадзе пожелали перенести покойного на Гороховую, 64, но власти не разрешили.

Врачи установили, что Распутин был сброшен в Невку еще живым, он и подо льдом продолжал бороться, высвободив из опутывавших его веревок правую руку, крепко сжатую в кулак. Отравленный ядом, дважды смертельно раненный пулями в грудь и шею, с двумя проломами в черепе, еще и в воде был жив...

Когда через сутки Николай вышел на царкосельский перрон, он увидел тоскливо сбившихся в кучку дочерей, сына и жену. Еще

по дороге во дворец Александра Федоровна успела сообщить супругу, что начатое следствие она велела прекратить «во избежание кощунственного скандала, раздуваемого врагами династии» *, она уже просила Протопопова обратить жилище Распутина на Гороховой, 64, в музей, а одного из видных петроградских архитекторов соорудить в Царском Селе мраморный мавзолей, куда не позднее лета 1918 года должен быть перенесен прах старца. Пока же он будет похоронен в Царском, неподалеку от дворцов, за парком.

Вся царская семья, кроме старшей дочери Ольги, отказавшейся от участия в церемонии, отправилась на проводы убиенного. «Проехали мимо здания фотографии и направо к полю, где и присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого извергами в доме Феликса Юсупова, который (? — М. К.) стоял уже опущенным в могилу... Отслушав литию отца Василия, вернулись домой» **.

Пока Николай в Царском, ходят на могилу каждый день. Подолгу стоят над заснеженным бугром, молятся. Царица «носит на кладбище белые цветы; она бледна и готова в любую минуту зарыдать, но старается сдерживать себя» ***. Сама же о себе Александра Федоровна позднее пишет: «Солнце светит так ярко... Я ощущаю такое спокойствие и мир на его дорогой могиле. Он умер, чтобы спасти нас» ****.

Но, разумеется, могила старца не всем была дорога. В первую же ночь после литии отца Василия группа офицеров царскосельского гарнизона под покровом тьмы вылила содержимое ассенизационной бочки на могильный холм. А в феврале семнадцатого солдаты вырыли труп и сожгли, а могилу сровняли с землей.

* По распоряжению царицы А. Д. Протопопов предписанием № 573 от 17 декабря 1916 г. велел П. К. Попову, своему «генералу для поручений», приступить к следствию. В течение 17 и 18 декабря Попов и военный следователь подполковник Попель допросили 15 человек. 19 декабря директор департамента полиции А. Т. Васильев указал Попову «дальнейшее производство дознания прекратить». 23 декабря Попов переслал Васильеву 15 протоколов с приложением рапорта № 694. — См.: Убийство Распутина. Протоколы официального дознания // Былое. 17. № 1 (23). С. 64–82.

** Из дневника Николая Романова. Запись от 24 декабря 1916 года.

*** *Lilli (Julia) Dehn*, p. 164.

**** Письмо царицы к Николаю II от 26 февраля 1917 года.